

Н.З. Зайц
У ИСТОКОВ МОНАШЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ
ПРЕП. МАКСИМА ГРЕКА
(к 550-летию со дня рождения святого)

Аннотация: В статье приводится анализ шести тематически близких авторских сочинений преп. Максима Грека, которые соединены в Парижском рукописном собрании сочинений в уникальный ряд текстов. Их объединяет тема монашеской жизни, они построены в форме ответов. Оказывается, что Максим Грек именно в этих сочинениях создал особое понятие «внутреннего человека». Вернее, наблюдаются следы его личной практики «молитвы в сердце» (Иисусовой молитвы), что свидетельствует о его монашеском опыте и мировоззрении, которые напоминают духовную аскетическую практику в исихазме. Более того, упомянутые произведения преп. Максима Грека включают оригинальные приемы создания им литературного текста, поэтому отражают не только его понимание литературного творчества, но и суть авторской поэтики. Детально рассматриваются эти сочинения впервые, притом на основе рукописных материалов.

Ключевые слова: преп. Максим Грек, молитвенные практики, исихазм, монашество, Афонское монашество, древнерусская литература, церковнославянский язык.

Neža Zajc
ON THE ORIGINS OF THE MONASTIC WORLDVIEW
OF ST MAXIMUS THE GREEK
(On the 550th Anniversary of His Birth)

Abstract: The article analyzes six original works by St. Maxim the Greek, which are joined in the Parisian manuscript collection in a unique way. They all share the theme of monastic life and are composed in the form of answers. It turns out that it was in these works that Maxim the Greek created a special concept of “inner man”. Rather, traces of his personal practice of “prayer of the heart” (Jesus Prayer) can be detected, which bears testimony to his monastic experience and worldview that bring to mind the spiritual ascetic practice of hesychasm. Moreover, the mentioned works of St. Maxim the Greek include essential techniques for creating a literary text, thus reflecting not only his

understanding of literary creativity, but also the essence of poetics of St. Maxim the Greek. It is for the first time that these works are examined in such a detail and on the basis of handwritten materials.

Keywords: St. Maximus the Greek, prayer's practice, hesychasm, monasticism, Athonite monasticism, Old Russian literature, old church Slavonic.

1. Биографические данные о монашеской жизни преп. Максима Грека

Преп. Максим Грек родился в греческом городе Арта, на территории Эпира, в семье Триволис. В Святом Крещении он получил имя Михаил. Из-за частых в ту пору османских набегов на греческие города экземпляр церковной метрической книги, содержащий запись о его рождении, по всей вероятности, исчез в огне. Максим сам сообщает нам в своих рукописях, что имя его матери — Ирина, а отца — Мануил. Его отец принадлежал сословию византийских «воевод». Арта уже с IX в. была известна своими торжественными крестными ходами и процессиями с иконами Божией Матери [11, с. 105]. В Арте в начале XII в. была учреждена митрополия [15, с. 521] и сложились хорошие отношения с тогдашними византийскими императорами. В начале XIII в. в Арте был создан императорский двор под управлением Михаила Комненоса (1204–1215), который стал новым светским центром Эпира под властью византийской теократии, известным в Европе из-за сохранения византийского наследия [18, с. 251]. В городе Арта в XIII в. (1231–1267) правила императрица Феодора вместе с мужем Михаилом II Комненосом. В 1284–1296 гг. император Никифор I Комненос и его жена Анна Палеологина повелели воздвигнуть большой пятикупольный храм в честь Божией Матери [11, с. 55], именуемой Утешительница (гр. Παυαγία ἡ Παρηγορητίσσα).

Михаил получил домашнее образование у своего дяди Деметрия Триволиса, знатного ученого, филолога, обладателя богатой коллекции книг и рукописей, любителя письменности, широко известного своей обширной личной библиотекой. К Деметрию Триволису при посредничестве Иоанноса Ласкариса обратился сам итальянский меценат Лоренцо Медичи [13, с. 126], когда у него было желание обогатить свою коллекцию книг и рукописей с греческо-византийскими рукописными экземплярами оригиналов текстов античных филосо-

фов, а также отцов восточной церкви. Деметрий Триволис, сам копист («переписчик») Платона и Плотина, был в постоянной связи с греческими учеными из Крита и Корфу, знания которых распространялись по Адриатике до самого центра Европы. Михаил Триволис уже в своем раннем возрасте посетил Корфу и Крит. В 1489 г. Большой Совет острова Корфу решил удвоить число своих кандидатов на выборы в Сенат Венеции, которая после завоевания Константинополя Турками в 1453 г. начала во многом содействовать управлению Корфу. Сенат Венеции поставил условие, что возраст кандидатов должен быть не меньше 20 лет. Тогда в 1490 г. или 1491 г. Михаил Триволис выдвинул свою кандидатуру на местных выборах Корфу. А так как условие для участия в выборах было как раз минимум 20 лет, можно полагать, что он родился именно в 1470 г. (или не раньше 1469 г.). Из трехсот кандидатов за него проголосовало двадцать человек (и 73 против) [13, с. 143–145]. На Корфу Михаил познакомился со своим первым научным наставником Иоанном Мосхом, который, несмотря на атмосферу на Корфу, склонную к поддержке латинского влияния на духовное состояние общества, Михаилу внушал чистые православные чувства веры и духовных благ. Здесь он также познакомился с Ианносом Ласкарисом и Марком Мусуросом, с которыми вместе скоро уехал в Италию, куда прибыл в 1492 г. Во Флоренции Михаил Триволис был сразу вовлечен в интенсивные филологическо-переводческие занятия, которыми руководил Ианнос Ласкарис. Михаил работал как профессиональный копист греческих рукописей, а также как учитель греческого у племянника Джиованни Франческа Пико делла Мирандола (в замке Мирандола). Сохранились его письма, в которых он сообщает [4, с. 87, 97], что его единственное духовное утешение — дружба греческих коллег (ученых и самих представителей второго поколения греческой диаспоры) и занятие книгами и рукописями в типографии Альда Мануци в Венеции. Михаил Триволис во Флоренции слушал публичные проповеди Гиrolамо (Иероним) Савонаролы, а после его смерти в 1498 г. сам ушел в доминиканский монастырь Святого Марка, но не принял монашеского пострига. Он подружился также с Урчео Кодро и Николаем Таррским, греком, рожденным в хорватской Истрии [13, с. 201], а также с камальдульским монахом Пиетром Кандидом, который имел коллекцию греческих рукописей [13, с. 263] и свидетельствовал о решении Михаила покинуть Италию.

В 1506 г. он постригся в монахи в афонской святой обители Ватопед и принял имя Максим. Там он продолжал заниматься рукописями (с применением методов редакторской работы и текстологической критики), так как его предыдущий опыт занятия рукописями был на Святой горе высоко оценен. Ему доверяли даже «уцелить» древний рукописный документ 1047 г. по поводу землевладения монастырей Кастамонит и Зограф [4, с. 108–109]. Сохранились также его заметки на полях редчайшего рукописного жития Святого Климента Охридского на греческом, что подтверждает его редакторскую работу с агиографическими текстами¹. Максим также принимал участие в миссионерской деятельности с константинопольским патриархом Нифоном II. Монах Максим начал также сам писать свои гимнографические произведения. Он написал Канон Святому Иоанну Крестителю и Молитву Святому Еразму².

2. Археографический обзор

Как известно, сохранились три варианта собраний сочинений, составленных лично преподобным Максимом Греком. В науке эти собрания названы как Иоасафовское, Хлудовское и Румянцевское [8, с. 221–262]. Каждое из них представляет собой свод собранных Максимом Греком собственных авторских сочинений, прежде всего литературных, т. е. речь идет именно о произведениях, которые написал он сам, а также о переведенных им текстах, которые тоже включены в состав собраний сочинений. Важно подчеркнуть, что большинство рукописей преподобный написал с целью оправдать себя и отстоять свою невиновность перед московскими властями, поэтому все собрания сочинений (за исключением Румянцевского), начинаются программным сочинением преп. Максима Грека, озаглавленным «Исповедание православной веры». Но тем не менее все еще стоит вопрос: говорим ли мы об избранных или собранных им сочинениях? Кроме того, если считается фактом, что преп. Максим свои сочинения собирал, составлял и правил собственной рукой три раза в своей жизни,

---

¹ Святая гора Афон: Монастырь Ватопед, Ман. Cod. 1134, f. 355 v., 369 v., 368 v., 368 r., 367 v., 363 r., 362 r., 362 v., 361 r., 361 v.

² Άπαντα Αγίου Μαξίμου Γρακού, vol. IV. Λόγοι, Άγιον Όρος, 2017. С. 329–351.

то возникает также вопрос, не приступил ли он к работе над собранием своих сочинений в четвертый раз. Имеется в виду рукописное собрание сочинений Максима Грека, которое хранится в Национальной библиотеке в Париже, или так называемое «Нижегородское собрание», как его, следуя за С. Белокуровым (№ 234)³, обозначила Н.В. Сеницына [10, с. 34]. Нижегородское собрание сочинений, или Парижское — как мы будем его называть, — является в некотором виде особым как по структуре, так и по группировке и по распределению текстов. Можно сказать, что это отдельно стоящее от всех остальных собрание его сочинений. Несмотря на то что эта рукопись представляет собой, по всей вероятности, позднее собрание его сочинений, датированное второй половиной XVI в., содержание его произведений здесь очень полное. Это подтверждает находка среди них некоторых сочинений Максима Грека, которые до сих пор были известны только по Румянцевскому собранию. Чередование произведений начальной части Парижской рукописи, написанной почерком, похожим на протограф, датированный до 1525 г. (из которого произошло также собрание Вол. 488 [9, с. 72]), свидетельствует о том, что эта рукопись первоначально включала также материалы из авторского архива (в рукописи присутствуют отражения протографа, который не сохранился во всех остальных известных прижизненных рукописях⁴). Речь идет о прослеживании отражения сознательной воли автора (автографа?) и о собрании сочинений, составленном собственноручно их автором. Видимо, начальные главы парижского собрания могут являться тождественными тому первоначальному ядру Иоасафовского и Хлудовского собраний, состоящих из 12 глав, которые были объединены Максимом Греком на рубеже 1530–1540-х гг. для доказательства своей невиновности и несправедливости выдвинутых против него обвинений [8, с. 169] в Московской Руси, поскольку их содержание опровергает последнее. Поэтому можно сделать вывод, что этот комплекс начальных глав Парижской рукописи, которые были направлены Максимом Греком митрополиту Макарию около 1547–1548 гг., как упоминается в послании митрополитичьему казна-

---

³ Белокуров С. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М.: Тип. Г. Лисснера и А. Гешеля, 1899. 886 с.

⁴ Это подтвердила Нина Васильевна Сеницына при нашей встрече 19 апреля 2013 г.

чею Алексею, написанном одновременно с посланием митрополиту [8, с. 167–168; 10, с. 15–16], представляют собой те «десять тетрадок», названных преп. Максимом «Ливель» [8, с. 153; 10, с. 16]. Более фонетически верно здесь определение «либеллус», так как именно таким названием в XV в. в Северной Италии ученые монахи называли те сочинения, в которых они выдвигали требование к более сосредоточенной монашеской жизни и разоблачали недостаточное богословское знание некоторых гуманистов [14, с. 144, прим. 109, 302], а также этим названием именовали те тексты, которые на самом деле являлись апологетическими сочинениями («*Libellus apologeticus*»).

Рассмотрим содержание начальных статей. После программного сочинения «Исповедание православной веры» и статьи о филологических проблемах, после «Письма Ф. Карпову», «Письма Василию III по поводу перевода Толковой Псалтыри» и двух «Слов ответных Николаю Немчину» помещена глава «Слово пространнее излагающее с жалостию нестроения царей и властителей последнего века сего». Это сочинение — одно из цикла, в который входит также текст «Поучительных глав», адресованных Максимом к «самому великому властителю». Таким тематическим сводом «учения о нравах» и нравственно-педагогическим жанром Максим Грек вписывается в традицию христианского мировоззрения итальянских гуманистов. Два таких трактата написал Эней Силвио Пикколомини (будущий папа Пий II, когда он был епископ в Триесте) для молодого правителя Ладислава Постгумного [16, с. 126–259]. А как известно, Максим Грек также переводил некоторые сочинения папы Пия II, а именно «Повесть о падении Константинополя» [4, с. 522–523; 2, с. 55–61], которая говорит о событиях, сильно повлиявших на чувства преп. Максима Грека, когда он был еще молодым ученым в Северной Италии.

Далее в Парижской рукописи находится «Письмо митрополиту Макарию», написанное в 1542 г. [8, с. 155]. А за этим письмом чередуются статьи, связанные с монашеской жизнью, которые продолжают так называемое «учение о нравах» [8, с. 169]. Этим сочинениям мы уделим особое внимание, поскольку автор изложил в них многие ключевые сюжеты аскетического учения, которые Максим Грек написал в форме ответа на вопросы монахов и которые касаются сугубо монашеского быта.

3. «Монашеский цикл»

Шесть сочинений, соединенных темой монашеской жизни, представляют собою уникальный ряд текстов преп. Максима Грека, поэтому они вместе создают так называемый монашеский цикл. Тексты следующие:

- 1) Сказание сея рѣчи Ступайте люди моя и прочая⁵,
- 2) Сказание о разрѣшении обѣта постнаго,
- 3) Повесть о собореех хотѣвшемъ уставити дабы попы и діаконы без женъ были,
- 4) Сказаніе яко достоит нам дѣлом исполнит, наши обѣты,
- 5) Тогоже инока Маѣсима Грека толкованіе о строкѣ псалма пѣ̄. Господи прібежище бысть нам,
- 6) Поученіе инокомъ о исправленіи иноческаго житія и коя есть сила великія схимы⁶.

В упомянутых сочинениях Максим Грек постепенно выразил свое особое понимание смиренномудрия и молитвенных правил. Его интерпретация библейских строк отражает его личное толкование. Все эти сочинения созданы на основе его личного восприятия и интерпретации отдельных строк-стихов тех богослужебных песен, которые следуют за чтением 150 псалмов и которые преп. Максим Грек целиком приводит в своем переводе и редакции в Литургической Псалтыри в 1552 г., т. е. за четыре года до своей кончины, когда ему наконец были предоставлены лучшие условия пребывания в монастыре Свято-Троицкой Сергиевой лавры. А с редакцией богослужебных и агиографических рукописей, в основе византийского, а также частично славянского происхождения, он ознакомился уже в святой обители Ватопед на Афоне. Более того, его слова в этих сочинениях свидетельствуют о его личном монашеском мироощущении (показывая его опыт духовного подвизания).

1) **Первое** сочинение, основанное на строках пятой литургической песни пророка Исаии, приводит толкование библейских строк Максима Грека, которые вводят во внутреннее пространство человека:

---

⁵ Ср.: Москва. ОР РГБ. Ф. 256: Рум. собр. № 264. Л. 277–279.

⁶ При транскрипции рукописного материала мы будем соблюдать правила, которые приняты в научном издании сочинений преп. Максима Грека [4; 5], под ред. Н.В. Сеницыной.

Ходите, устройте житие ваше съблюденіемъ и исполненіемъ всѣхъ заповедей моихъ. Ступаніе бо здѣ не движенье глаголетъ еже отъ мѣста на мѣсто ногами прехоженье, но еже отъ добродѣтели на большую добродѣтель преспѣваніе и въсхожденіе (Рук. Славе 123, л. 80 об.)⁷.

Максим Грек раскрывает особое внутреннее состояние монаха, которое он очерчивает как отсутствие всех пяти чувств, т. е. слуха, зрения, вкуса, осязания и обоняния. По его словам, именно посредством них осуществляется «умная и душевная смерть» человека. Поэтому, вслед за пророком Исаией, он призывает: «Ступайте, люди мои, внидите в клет свою», — притом клетью он именуется сердце человека, где должна совершаться молитвенная деятельность каждого верующего:

Внидите в клѣть свою, затворите дверь вашу, укытєтесь мало, и прочая, сирѣчь, всю вашу мыслию и помысли съберите всего вашего ума в сокровенѣй дѣлательницы сердецъ вашихъ и не оставляйте его скитати-ся беспутіемъ сѣмо и овамо, но затворяте его дверьми вашими, сирѣчь прилѣжнымъ храненіемъ пятыхъ чувствіи вашихъ, имижє входитъ умная смерть и убиваетъ внутреняго человека» (Рук. Славе 123, л. 81).

Максим Грек также определил ограничение внутреннего пространства только светом, происходящим прямо от слова Христа (Ин. 12: 35):

И сему учит насъ самъ Господъ глаголя ко ииудѣмъ, ходите дондеже свѣтъ имате. Не мѣстно хоженіе завѣшева имъ но добродѣтельное преспѣваніе с[в]ятыхъ заповѣдей его (Рук. Славе 123, л. 80 об.).

Таким образом, Максим Грек создал не только границы особой внутренней географии, ограниченной только человеческой душой (автобиографическим опытом) и Святым Духом, но и образовал отдельное понятие, которое призвано обозначать особое аскетическое состояние, принадлежащее только «внутреннему человеку».

2) Во **втором** тексте Максим Грек, исходя из его интерпретации заключительных строк шестой богослужебной песни (кантики),

---

⁷ Париж. Национальная библиотека. Сочинения Максима Грека. Рук. Славе 123. Далее в тексте статьи — Рук. Славе 123.

т. е. Библейской песни пророка Ионы (ср. Иона 2: 3–11) (ср.: [7, с. 129, 222]), обсуждал вопрос о посте, который должен сопровождаться умением соблюдать полное отстранение от «душевных страстей», которые «скверняющие внутреняго человека» (Рук. Славе 123, л. 82 об. — 83). Притом примечательно, что он выделил значение молитвы, так как он изменил слова «елика обѣшахся, отдам тебѣ спасеніе мое Господеви» (как он перевел в Богослужебной Псалтири⁸ в 1552 г.) на «елико *помолихся* воздамъ тебѣ во спасение мое Господеви». С последним указанием Максим Грек установил внутритекстовую связь с четвертым сочинением, в котором он будет говорить об исполнении обетов. Ученый монах подкрепил свои суждения словами апостола Павла (1 Тим. 5: 23), а также пророка-псалмопевца Давида (Пс. 34: 13) и уточнил единственную цель поста у человека:

Служити души в прочих духовных служеніи ея, рекше поклоны, молитвы, стоянія и службы нужныя различныя. Еще и сіе подобаетъ нам брещи прилѣжно, еже да есть да постимся и духовнѣ от всѣх душевных страстей (Рук. Славе 123, л. 82 об. — 83).

3) В **третьем** тексте он использовал информацию из церковной истории, содержания и канонов вселенских соборов восточной церкви. Максим Грек приводил как пример безупречной жизни разумного Пафнутия Фиваидского, епископа и исповедника, который был наполовину слепым и во время Первого вселенского собора в г. Никее в 325 г. стал известен из-за хранения чистоты, так как он был «непричастен к жены». Его мнение в конце концов стало авторитетным в связи с третьим канонем Никейского собора [12, с. 65]. Пафнутий настаивал на том, что «не всѣм бо мощи терпѣти подвигъ безстрастия, низ равнѣ блюсти цѣломудрию», т. е. «законныя супружныцы совокупление» (Рук. Славе 123, л. 83 об.). В эпоху, когда монашество как такое еще не существовало, он удалился в верхнеегипетскую пустыню и соблюдал правило («не искати женитву»), по словам преп. Максима Грека, «по церковному преданию древнему» (Рук. Славе 123, л. 83 об.).

4) В **четвертом** же тексте Максим Грек продолжал тему личного обета и приводил примеры из Священного Писания, чтобы указать на значение серьезного понимания высказанных слов, которыми произ-

---

⁸ Москва. ГИМ. Увар. 85/14. Л. 131.

носятся личные обеты (не только монахов). Таким приемом, начиная с Ветхого Завета, он выразил свое понимание священной хронологии и следования библейской истории. Снова он уделил особое внимание пророкам: сначала он приводил молитву Ионы («аз же со гласом хваления и исповѣдания пожру тебѣ»), потом псалмопевца Давида (Пс. 115: 8), Соломона (Притч. 11: 30–31) и патриарха Иакова, а после него свидетельства апостолов, Петра, Луки (Лук. 5: 1–11) и цитаты из посланий Павла (1 Тим. 5: 13; 1 Кор. 7: 27). В этом сочинении Максим Грек сосредоточил все содержание вокруг понятия «жертвы» и чистоты, как об этом говорится в Святом Писании. Далее он рассматривал вопрос воздержания от мяса в праздничные дни. Притом больше всего вместе с апостолом Павлом (1 Кор. 6: 9) обсуждал «винопитие», которое содержит «блюды» (Рук. Славе 123, л. 85).

5) В **пятом** тексте он оправдал свое применение глагольных форм по отношению к Сыну Божиему, из-за чего был первый раз осужден в 1525 г. в Московской Руси⁹. В этом сочинении Максим Грек объяснил, что, с его точки зрения, использование перфектной формы или аориста не имеет разницы в отношении Бога в Святой Троице. Он лишь уточнил, что для него форма «был еси» более подходящая для Сына Божиего, так как позволяет личное обращение к Нему, между тем как аористная форма «бысть» больше подходит к Богу Отцу, когда речь идет о повествовании о Другом [21, с. 380–382]¹⁰.

6) В **шестом** тексте Максим Грек употребил еще одно выражение, которое исходит из монашеского поведения и правил (дисциплины):

Труды и подвиги возлюбим за свое спасеніе яко же Богу любви и тѣми же преподобными добродѣтельными да украсим сами мысленный куколь внутреняго человека нашего, а не шелковыми пестрыми тканій, тлѣмыми въ гробѣ куколь внѣшняго человека нашего (Рук. Славе 123, л. 89).

Посредством «мысленного куколя»¹¹, если использовать монашеский термин, применимый для строгого режима иеромонахов (греч.

⁹ Судные списки Максима Грека и Исака Собаки / изд. подгот. Н.Н. Покровский под ред. С.О. Шмидта. М.: Ин-т истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии наук СССР, 1971. С. 90–92.

¹⁰ В науке этот вопрос часто обсуждался: [1, с. 116; 3, с. 251–253].

¹¹ Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерка, Э. Благова. М.: Русский язык, 1994. С. 298.

κουκουλλιον), а также в связи с детьми и девицами¹², Максим Грек изобразил неприкосновенность мысли, целиком погруженной в раздумье о Боге и посвященной только Богу любви. Важно подчеркнуть, что это слово, обозначающее часть одежды православных иеромонахов, имеет еще одно значение, а именно то, что с его поверхности/при его облачении (капюшона) можно таинственно войти в мысленный рай и благосостояние мысленного подвига на уровне великой схимы и продолжительной аскезы.

В этом же тексте Максим Грек также наглядно использовал синтаксический прием, основанный на недословном повторении слова и словесных выражений, в которых один и тот же семантический корень. Таким образом на самом деле почти ни одно слово буквально не повторяется, но его ключевое содержание звучит как эхо.

Исполняется душа твоя вѣры и мужества духовнаго и Божия любви. Такими же дарований озарившия души твоей вознесется рог твой о Бозѣ твоём, сирѣчь сила души твоя всякого страха отложиши, в мужество духовное облечется и дръзновение нестрашливое <...> тогда возвеселится о Бозѣ Спасе твоём, сѣречь от толь добрых твоих духовных подвигов и трудех примемши от всеблагото подвигоположника твоего веселие вѣчное по писанному сѣюще и слезами с радостию пожить. Ходяще хождуху и плакаху мечуще сѣмена своя, еже есть в маловременом житии семъ живуще, подвиги всякия и труды со слезами духовными за спасение свое якоже Богу любве <...> сирѣчь вѣчныя жизни и наслаждение вѣчных и неизреченных благъ. Тяж имъ труды и подвиги возлюбимъ и сами за свое спасение и якоже Богу любви (Рук. Славе 123, л. 88 об. — 89).

Повторяющиеся слова, которые не воспроизводятся в точности, как слова, в которых заключается главное значение и которые автор хотел подчеркнуть, сами начинают выступать в роли лейтмотива («мужество духовное»; «якоже Богу любви», «Божия любви») всего произведения. Такой риторический прием, применяемый Максимом Греком именно в ритмической прозе (а не в стихотворном виде), мог быть ему знаком из византийской письменности и античной рито-

---

¹² A Patristic Greek Lexicon, Ed. G.W.H. Lampe. 23. impr. Oxford: Clarendon Press, 2010, pp. 772–773.

рики (гр. *παρήχησις*), но в церковнославянской литературе он не был часто используемым за исключением сугубо богослужебных и гимнографических текстов [20, с. 164]. Очень характерен тот факт, что такой способ формулирования не прямого сообщения, созданного путем ассонансов, аллюзий и параллелизмов (намеков), часто применялся в агиографии, посвященной Божией Матери [17, с. 37–38], так как именно в связи с богословским видом, оправданным природой Богородицы, было необходимо использовать похожие на слух слова (но не омонимные) и словесные образы, которые в предложении сыграли ключевую роль в создании смысла всего текста. Суть таковой словесной тактики — семантический акцент, который в византийской риторике был построен на принципе ритмического ответа [20, с. 72–75]. Максим Грек впервые успешно применил такой поэтический способ построения сообщения в тексте уже в 1521 г. при переводе агиографического текста из Сборника Симеона Метафраста, о «Жизни Божией Матери», из-за которого был также осужден во второй раз на суде в 1531 г.¹³

Всеми вышеупомянутыми текстами преп. Максим Грек создал на основе его личной экзегезы библейских слов — в первую очередь богослужебных песен, содержание которых почерпнуто из Ветхого Завета, и особенно из Септуагинты, — свое понимание так называемого внутреннего человека. Более того, все говорит о том, что преп. Максим Грек при создании «внутреннего человека» приводил собственные свидетельства о внутренней молитве, до сих пор называемой монахами «Иисусовой молитвой». На самом деле он использовал слова и из монашеского быта и писал о сугубо монашеском молитвенном умственном действии («умном делании»), о молитвенной обстановке, в которой все мысли сосредоточены (физически) только около сердца, а духовно — на присутствии Сына Божиего, заповеди Которого составляют, по преп. Максиму Греку, суть праведной жизни каждого христианина. А отражение характеристики внутренней Иисусовой молитвы можно найти в его важном программном произведении «Исповедание православной веры»:

Такожде по вся дни и нощи пою и глаголю със всѣми вами благовѣрными, и възшедша на небеса и сѣдяща одесную Отца, и яже по сих;

---

¹³ Судные списки Максима Грека и Исака Собака. С. 101.

также и въ вседневномъ славословии пою, благословляю, славословлю и глаголю: Господи Боже, Агнецъ Божии, Сыне Отечь, вземляи грѣхы мира, помилуй нас, вземляи грѣхы мира, приими молитву нашу, съдяи одесную Отца, помилуй нас, и прочая [5, с. 55].

Его слова наглядно отражают, что преп. Максим Грек не только произносил, но и дословно воспевал молитву с именем Иисуса Христа в своем сердце именно на церковнославянском языке, что свидетельствует о том, что он познакомился с ним уже за некоторое время до его формального ознакомления с языком русской церкви. Тем самым он продолжал молитвенную практику, которую начал уже задолго до прибытия на Русь. Но здесь еще важнее подчеркнуть, что такое действие внутренней молитвы он бы не мог реализовать, если бы церковнославянский язык был ему совсем чужд. Другими словами, можно сделать вывод, что к церковнославянскому он уже привык, так как иначе молитва не могла бы действовать в его сердце. Речь идет об исихазме, в котором основу духовного воздействия составляет именно Иисусова молитва при деятельном соучастии Святого Духа. Поэтому Максим Грек подчеркивал важную роль Святого Духа в реализации данного внутреннего состояния. У него было ясное представление о том, что в области Святого Духа происходит «святое крещение и причастие даров Святого Духа и святых писаней наслаждение» (Рук. Славе 123, л. 82). Таким образом, преп. Максим Грек сблизил понятие посвящения и словесных (литературных) трудов.

Он писал:

Сего ради, братіе, и мы елма волею отрекохомся сует всякия и бесчинія мирскаго житія и иноческаго преподобного и совершенного житія возлюбихом, совершающая внутреннего человека нашего и представляющая в самую вѣчную жизнь (Рук. Славе 123, л. 89).

Но на самом деле воздействие Святого Духа было ключевым и при пострижении в монахи, так как это не может осуществляться без трехкратного молитвенного возгласения (инвокации, гр. ἐπίκλησις) Святого Духа [11, с. 64].

В упомянутом «Письме к митрополиту Макарию» находится заявление Максима о том, что он, как монах афонского монастыря Ва-

топед (просвещенный Святым Духом), уже подвизался, и в том числе не только писал против еретических течений, но и дословно проповедовал православную веру, т. е. богословским видом оправдывал ее большую правильность и правдоподобность:

Зѣлнѣ подвигся за православную вѣру нашу не точию здѣ у вас списав словеса доволна на болших ересей, глаголю же иудѣхъ и агарян и самѣхъ еллинѣхъ, и на прелщающихъ многия от православныхъ лжесловцовъ и суесловцовъ звѣздочетцовъ <...> нашу православную вѣру свѣтлѣ и безъ обинования въспроповѣдахъ, благодатию поклоняемаго божественнаго параклита просвещенъ и укрепленъ. И вкратце рещи: идѣ же нипосланъ быхъ отъ священныя обители ватопедския по повелѣнію преподобныхъ отецъ моихъ по милостину, вездѣ благодатию святого параклита просвещаемъ православную вѣру свѣтло проповѣдахъ (Рук. Славе 123, л. 79).

Максим, как монах афонской обители Ватопед, с константинопольским патриархом Нифонтом II проповедовал православную веру за пределами Святой горы — среди людей, которым был знаком богослужебный язык славян, на территории Молдовлахии и Балкан (Охрид, Македония, Албания). В этом письме можно также найти его особое наименование Святой горы как «молитвенницы всей вселенной» (Рук. Славе 123, л. 80), чем он обозначил именно мировое значение постоянной молитвы монахов в чистом сердце, «в клетѣ» которого она, «делательница», должна действовать. Кажется, что найдены истоки не только молитвенной практики преп. Максима Грека, но и монашеских воззрений, которые бы могли обозначаться как близкие к исихастическим взглядам. Но это лишь кажется. На самом деле, мировоззрение Максима Грека было еще более сложным и одновременно более индивидуальным. Для византийского, а вслед за ним и древнерусского исихазма было очень характерно присутствие (частые описания и свидетельства) видений сильного духовного света, который определяется как Фаворский свет, так как проистекает от Фаворской горы [6, с. 208]. Но таких же описаний в сочинениях Максима Грека нет. Для него важнейшее положение следующее: он рассматривает особую иерархию святых и богоносных отцов Церкви, но его богословская точка зрения очень строга, так как она христологическая. Только

лишь у подножия Фаворской горы он зрит трех апостолов (Иакова, Петра, Иоанна), которые присутствовали при Преображении Господнем. Им было открыто видение Христа, а всем остальным — и апостолам, и церковным отцам (Козма Хомнограф, Григорий Акраганский, Григорий Нисский, Григорий Назианский, Иоанн Златоуст) — лишь в условном виде или частично (косвенно):

Аси иже въ мудрости и святыни воставшии, въ приобщѣнии внѣшних наказаний быша юнѣиши еще суще и горнѣишая премудрости, ею же прочее мощно Богу совокупитися и богоявлению сподобитися, не у достигше, но такоже рещи, под горой Фаворскою со девятьми оставлени, аки свершенѣиших зрѣния не у суще вмѣстительныи [5, с. 313].

Похожие взгляды Максим Грек мог воспринять от Григория Назианзина, который наглядно использовал упомянутый риторический прием и чье «Седьмое Слово о своем молчании» [4, с. 314] упоминается в том же письме.

4. Текстологический контекст

На текстологическом уровне монашеская тема связывает этот цикл с другими его сочинениями о монашестве, правилах и установлениях, которые формируют такое восприятие личной жизни и мира. Пример сочинения, которое рассуждает о кротости и разуме, представляет малоизвестный рукописный текст «Слово нѣкоего челоуѣка вѣрна, умудрити разум», в котором преп. Максим Грек прямо обращается к «братям монахам»:

Прѣвое, брате, коея мудрости ищещи, рече Господь, лутче есть искати кротости не ли мудрости. Кротосмь бо есть мати мудрости, и разуму и помыслу благу и всѣм добрым дѣлом (Москва, ОР РГБ, Ф. 256: Рум. собр. № 264. Л. 48).

Тематически эти тексты тесно связаны с покаянными сочинениями («Слово о покаянии»), а также с нестяжательными, среди которых выделяются «Сказание о известном иноческом жительстве, лица

же стяжующихся Филоктимонъ да Акимонъ» и «Повесть страшна и достопамятна», в которых преп. Максим Грек писал об ордене картузианцев и о доминиканцах как о двух примерах благочестивой иноческой жизни¹⁴.

Поскольку в первом из монашеских циклов сочинений он создал внутритекстовое понятие интерной географии и внутреннего пространства, которое озарено только светом Божиим (со ссылкой на слова Христа — Ин. 12: 35), то Максим Грек повторил такую же обстановку для человека, проходившего в свете мира сего в «Повести страшной и достопамятной», но с той разницей, что в этот раз еще более ясно утверждал, что наиболее спасительный свет духовный проистекает прямо от Священных Писаний и, следовательно, от литературных грудов [13, с. 156]. Такое представление о небесном свете он приводил в изменном виде больше, чем в двух текстах, а именно как свет, который исходит от Бога Отца (Иак. 1: 17), — в «Послании московскому великому князю Василию о переводе Толковой Псалтири» [4, с. 151]. Второй пример наличествует в тексте «Повесть страшна и достопамятна и о совершенном иноческом жительствѣ»:

Обычаи бо есть божественной благодати вездѣ всѣм человеком простираит неизреченная дарованія, и благотворенія своих щедрот всѣм вкупѣ сущим под небѣсамъ являя себе образъ сим и обращая к себѣ всетвореніе свое иже восіаеет солнца своего на злыя и благія и дождитъ на праведныя и неправедныя (Рук. Славе 123, л. 458 — 458 об.).

Следующими словами преп. Максим Грек также выразил свое понимание сути библейской экзегезы и литературного творчества («словесного художества»), которое заключается в «достижении совершенства» и руководстве других «рачителей словесного художества». Благодать он определил как «богословских дохматех», которые «туне подаваема всѣм вкупе рачителем сицевых изрядных ученій». Духовные и интеллектуальные знания преп. Максим охарактеризовал не только как православного «нашего благочестиваго богословія

---

¹⁴ Максим Грек, кроме нескольких сочинений об афонских монастырях, писал также отдельно о католических орденах в «Послании о францисканцах и доминиканцах». См.: Ржига В.Ф. Неизданные сочинения Максима Грека // *Byzantinoslavica. Praha, 1935–1936. T. VI. С. 99–101.* См. также: Москва, ОР РГБ. Ф. 256: Рум. собр. № 264. Л. 177–178 об.

и философии священна, но и всякого внешнего наказания всяческая ученія въ совершено достиженіе свое руководящи» (Рук. Славе 123, л. 458 об. — 459).

В особом упоминании усовершенствования внутренних знаний можно увидеть близость восприятия Максимом Греком монашеских подвигов и выражения духовного знания в словесной форме. В вышеупомянутом тексте «Слово нѣкоего челоуѣка вѣрна, умудрити разум» в заключение он утверждает:

Яко будеши в душевнем дому не мочи всего того положити, но инѣм будеши раздавая требующим того же, прѣвое разрѣшеніе притчам книжным (ОР РГБ. Ф. 256: Рум. собр. № 264. Л. 48 об. — 49).

В этом заключается сугубо личная установка преп. Максима Грека, которая в конце концов очень приближается к тому понятию «*Studia humanitatis*», которое некогда установил в своих предыдущих сочинениях и посланиях папа Пий II. В самом деле Эней Сильвио Пикколомини в письме 1443 г. утверждал¹⁵, что именно (и тогда только) в Италии (и нигде больше в Европе) присутствует любовь к филологическим занятиям, которые должны споспешествовать знанию, выраженному только в литературной форме [19, с. 139–140], — то, что он называл духовными плодами, которые нужно совершенствовать всю жизнь. Но так как преп. Максим Грек писал об интеллектуальном состоянии в Париже (в XI в.), о котором он слышал от «благочестивых людей» в Италии, кажется, что европейская духовная традиция в то время, когда он как Михаил Триволис побывал в Северной Италии (1492–1503), уже начала возобновляться.

5. Заключение

В упомянутых текстах по поводу вопросов жизни монахов, которые образуют так называемый монашеский цикл и которые в прижизненных собраниях преподобного Максима Грека обычно не собраны вместе, афонский монах установил свое видение лестницы

---

¹⁵ Der Briefwechsel des Eneas Silvius Piccolomini. Briefe aus der Laienzeit (1431–1445). I. band. Пед. Wolkan Rudolf. Wien, 1909. С. 218–219.

аскетического подвига и канон монашеского мироощущения. Более того, в этих сочинениях можно рассматривать самые существенные способы построения литературного сообщения Максимом Греком, которые представляют собою суть его личной поэтики, так как отражают главные принципы создания им текста, а также частично отвечают на вопрос о его адресате. Кажется, что преподобный Максим Грек писал свои сочинения прежде всего для монахов. Однако это только видимость. Он тосковал по афонской святой обители Ватопед, которую не видел больше 20 лет, поэтому адресовал свои беседы к монахам, которых он мог зреть только в своем уме. Максим Грек действительно прежде всего обращал свои сочинения к «братям монахам», о чем свидетельствует, например, также его «Слово нѣкогого челоуѣка вѣрна, умудрити разум». Но он писал также для верующих православных мирян («хотяще всякого человека спасти и в разум истинный прийти» — Рук. Славе 123, л. 458), для этого он применял особый «словарь», почерпнутый из богослужения и литургии, во время которой каждый православный может испытать близость «сокровенной жизни во Христе», почувствовать священнодействие Святого Духа, а также осознать благочестивое воздействие содержания текстов Священного Писания. Личной интерпретацией последнего преп. Максим Грек утверждал особое понятие «внутреннего человека», которого может открывать, беречь и «воспитать» в себе не только каждый монах, но и мирской человек.

Выводы

Анализ сочинений рассмотренного цикла позволяет осознать глубинные установки мировоззрения ватопедского монаха, которые коренятся в предыдущих периодах его жизни. Преп. Максим Грек получил первые сведения о монашестве уже в детстве в Арте и во время своего пребывания в Италии, где он встретился с благочестивыми людьми, а также с учеными, философами и филологами — тогдашними гуманистами. Вскоре он столкнулся с неодобрением католической веры, что он и сам лично испытал в период колебания, стать ли доминиканцем ему или нет. Он выбрал православную веру и стал афонским монахом святой обители Ватопед, где деятельно применил

все знания в форме монашеской практики, которая заключалась в молитвенном действии («умном делании»), в занятии богослужбными, агиографическими, гимнографическими и патристическими византийскими рукописями, а также иногда в проповедовании православной веры. Знание церковнославянского языка, при помощи которого он был вынужден изъясняться и оправдывать свою правоту перед московскими властями, позволило ему распространять свое видение («художество толкования священных писаний») не только среди монахов, но и среди мирян, и тем самым реализовать суть своего понимания литературного творчества. Поэтому ознакомление с монашеским циклом его сочинений важно, так как именно благодаря особым правилам его личной авторской поэтики, которые наличествуют в этих текстах, преп. Максим Грек сделал свою индивидуальную речь неподражаемой и неповторимой.

Список рукописей

- Париж, Национальная библиотека. Рук. Славе 123.
Афон. Святой монастырь Ватопед. Рук. 1134.
Москва. ОР РГБ. Ф. 256: Собрание рукописных книг Н.П. Румянцева. № 264.
Москва. ГИМ: собр. Увар. 85/14.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Вернер И.В.* Грамматическая справка Максима Грека в Псалтыри 1552 г. // Письменность, литература, фольклор славянских народов. История славистики. XV Международный съезд славистов. М.: Древлехранилище, 2013. С. 104–127.
- 2 *Клосс Б.М.* Максим Грек — переводчик Повести Энея Сильвия Пикколомини «Взятие Константинополя турками» // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1974. М.: Наука, 1975. С. 55–61.
- 3 *Кравец Е.В.* Книжная справа и переводы Максима Грека как опыт нормализации церковнославянского языка XVI века // *Russian Linguistics*. 1991. Vol. 15. С. 247–279.
- 4 Преподобный Максим Грек. Сочинения. М.: Индрик, 2008. Т. 1. 568 с.
- 5 Преподобный Максим Грек. Сочинения. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2014. Т. 2. 432 с.
- 6 *Прохоров Г.М.* «Так воссияют праведники...»: Византийская литература XIV в. в Древней Руси. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2009. 265 с.
- 7 *Семячко С.А.* Рукопись Ф. I. 738 как сборник постоянного состава. Приложение 1. Предисловия к библейским песням // *Гордиенко Э.А., Семячко С.А., Шibaев М.А.* Миниатюра и текст: (из истории одной рукописи). СПб.: Изд-во «Пушкинский дом», 2011. С. 124–162, 208–227.

- 8 *Синицына Н.В.* Максим Грек в России. М.: Наука, 1977. 332 с.
- 9 *Синицына Н.В.* Раннее творчество Максима Грека // Преподобный Максим Грек. Сочинения. М.: Индрик, 2008. Т. 1. С. 15–83.
- 10 *Синицына Н.В.* Творчество преподобного Максима Грека 30–50 гг. XVI в. и собрание избранных сочинений из 47 глав // Преподобный Максим Грек. Сочинения. М.: Рукописные памятники древней Руси, 2014. Т. 2. С. 12–47.
- 11 *Cameron A.* The Byzantines. Cambridge: John Wiley & Sons, 2009. 296 p.
- 12 *Davis L.D.* The First Seven Ecumenical Councils (325–787): Their History and Theology. Washington: Michael Glazier, 1988. 342 p.
- 13 *Denissoff E.* Maxime le Grec et L'Occident: Contribution a L'Histoire de la Pensee Religieuse et Philosophique de Michel Trivolis. Louvain: Bibliotheque de l'Universite, 1943. 460 p.
- 14 *Hay D., Law J.* Italy in the Age of the Renaissance 1380–1530. London and New York: Longman Pub Group, 1989. 372 p.
- 15 *Janin R.* Les Eglises Orientales et les Rites Orientaux. 4. ed. Paris: Letouzey et Ané, 1955. 548 p.
- 16 *Kallendorf C.W.* (ed. and trans.) Humanist Educational Treatises. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2002. 358 p.
- 17 *Krausmüller D.* Theotokos-Diadochos // Byzantine Orthodoxies. Papers from the Thirty-sixth Spring Symposium. Aldershot, 2006. P. 35–54.
- 18 *Reinert S.W.* Fragmentation (1204–1453). In: The Oxford History of Byzantium, Ed. Cyril Mango. Oxford: Oxford University Press, 2002. P. 248–284.
- 19 *Simoniti P.* Humanizem na Slovenskem in slovenski humanisti do srede XVI. stoletja. Ljubljana: Slovenska matica, 1979. 297 p.
- 20 *Valiavitcharska V.* Rhetoric and Rhythm in Byzantium. The Sound of Persuasion. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 243 p.
- 21 *Zajc N.* Some Notes on the Life and Works of Maxim the Greek (Michael Trivolis, ca 1470 — Maksim Grek, 1555/1556). Part 2: Maxim the Greek's Slavic Idiolect // *Scrinium: Revue de patrologie, d'hagiographie critique et d'histoire ecclésiastique.* 2016 (12). P. 375–382. DOI: 10.1163/18177565-00121p24

The List of Manuscripts

Paris. Bibliothèque Nationale: Mss. Slave 123.

The Holy Mount Athos. The Holy Monastery of Vatopaidi: Mss. 1134.

Moscow. Department of Manuscripts of the Russian State Library: Mss. Coll. Rum. No 264.

Moscow. Russian Historical Museum. The Liturgical Psaltry' (without Commentaries): Mss. Uvar 85/14.

REFERENCES

- 1 Verner, I.V. "Grammaticheskaja sprava Maksima Greka v Psaltyri 1552 g." ["The Grammatical Editing of Maximus the Greek in the Psalter of 1552"]. *Pis'mennost', literatura, fol'klor slavjanskikh narodov. Istorija slavistiki. XV Mezhdunarodnyj s'ezd slavistov* [Writing, Literature, Folklore of the Slavic Peoples. History of Slavic

- Studies. XV International Congress of Slavists*]. Moscow, Drevlekhranilishche Publ., 2013, pp. 104–127. (In Russian)
- 2 Kloss, B.M. “Maksim Grek — perevodchik Povesti Eneia Sil’viia Pikkolomini ‘Vziate Konstantinopolia turkami.’” [“Maximus the Greek — Translator of the Story of Aeneas Silvius Piccolomini ‘The Capture of Constantinople by the Turks.’”]. *Pamiatniki kul’tury. Novye otkrytiia. Pis’mennost’. Iskusstvo. Arkheologiiia. Ezhegodnik 1974* [The Monuments of Culture. New Discoveries. Writing. Art. Archeology. Yearbook 1974]. Moscow, Nauka Publ., 1975, pp. 55–61. (In Russian)
  - 3 Kravets, E.V. “Knizhnaia sprava i perevody Maksima Greka kak opyt normalizatsii tserkovnoslavianskogo iazyka XVI veka” [“Book Editing and the Translations of Maximus the Greek as an Experience of Normalizing the Church Slavonic Language of the 16th Century”]. *Russian Linguistics*, vol. 15, 1991, pp. 247–279. (In Russian)
  - 4 *Prepodobnyi Maksim Grek. Sochineniia* [Ven. Maximus the Greek. Oeuvre], vol. 1. Moscow, Indrik Publ., 2008. 568 p. (In Russian)
  - 5 *Prepodobnyi Maksim Grek. Sochineniia* [Ven. Maximus the Greek. Oeuvre], vol. 2. Moscow, Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi, 2014. 432 p. (In Russian)
  - 6 Prokhorov, G.M. “Tak vossiiaiat pravedniki...”: Vizantiiskaia literatura XIV v. v Drevnei Rusi [“Thus will the Righteous Shine...”: Byzantine Literature of the 14th Century in Old Russia]. St. Petersburg, Izdatel’stvo Olega Abyshko Publ., 2009. 265 p. (In Russian)
  - 7 Semiachko, S.A. “Rukopis’ F. I. 738 kak sbornik postoiannogo sostava.” “Prilozhenie 1. Predisloviia k bibleiskim pesniam” [“Manuscript F. I. 738 as a Collection of Permanent Composition. Appendix 1. Prefaces to Bible Songs”]. Gordienko, E.A., and Semiachko, S.A., and Shibaev, M.A. *Miniatiura i tekst: (iz istorii odnoi rukopisi)* [Miniature and Text: (from the History of One Manuscript)]. St. Petersburg, Izdatel’stvo “Pushkinskii dom” Publ., 2011, pp. 124–162, 208–227. (In Russian)
  - 8 Sinitsyna, N.V. *Maksim Grek v Rossii* [Maximus the Greek in Russia]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 332 p. (In Russian)
  - 9 Sinitsyna, N.V. “Rannee tvorcestvo Maksima Greka” [“The Early Works of Maximus the Greek”]. *Prepodobnyi Maksim Grek. Sochineniia* [Ven. Maximus the Greek. Oeuvre] vol. 1. Moscow, Indrik Publ., 2008, pp. 15–83. (In Russian)
  - 10 Sinitsyna, N.V. “Tvorcestvo prepodobnogo Maksima Greka 30–50 gg. XVI v. i sobranie izbrannykh sochinenii iz 47 glav” [“Creativity of the Monk Maximus the Greek of 1530s–1550s and a Collection of Selected Works from 47 Chapters”]. *Prepodobnyi Maksim Grek. Sochineniia* [Ven. Maximus the Greek. Oeuvre], vol. 2. Moscow, Rukopisnye pamiatniki drevnei Rusi Publ., 2014, pp. 12–47. (In Russian)
  - 11 Cameron, A. *The Byzantines*. Cambridge, John Wiley & Sons, 2009. 296 p. (In English)
  - 12 Davis, L.D. *The First Seven Ecumenical Councils (325–787): Their History and Theology*. Washington, Michael Glazier, 1988. 342 p. (In English)
  - 13 Denissoff, E. *Maxime le Grec et L’Occident: Contribution a L’Histoire de la Pensee Religieuse et Philosophique de Michel Trivolis*. Louvain, Bibliotheque de l’Universite, 1943. 460 p. (In French)

- 14 Hay, D., and Law, J. *Italy in the Age of the Renaissance 1380–1530*. London and New York, Longman Pub Group, 1989. 372 p. (In English)
- 15 Janin, R. *Les Eglises Orientales et les Rites Orientaux*. 4. ed. Paris, Letouzey et Ané, 1955. 548 p. (In French)
- 16 Kallendorf, C.W. (ed. and trans.) *Humanist Educational Treatises*. Cambridge, Mass., Harvard University Press, 2002. 358 p. (In English)
- 17 Krausmüller, D. Theotokos-Diadochos. *Byzantine Orthodoxies. Papers from the Thirty-sixth Spring Symposium*. Aldershot, 2006, pp. 35–54. (In English)
- 18 Reinert, S.W. Fragmentation (1204–1453). *The Oxford History of Byzantium*, Ed. Cyril Mango. Oxford, Oxford University Press, 2002, pp. 248–284. (In English)
- 19 Simoniti, P. *Humanizem na Slovenskem in slovenski humanisti do srede XVI. stoletja*. Ljubljana, Slovenska matica, 1979. 297 p. (In Slovenian)
- 20 Valiavitcharska, V. *Rhetoric and Rhythm in Byzantium. The Sound of Persuasion*. Cambridge, Cambridge University Press, 2013. 243 p. (In English)
- 21 Zajc, N. Some Notes on the Life and Works of Maxim the Greek (Michael Trivolis, ca 1470 — Maksim Grek, 1555/1556). Part 2: Maxim the Greek's Slavic Idiolect. *Scrinium: Revue de patrologie, d'hagiographie critique et d'histoire ecclésiastique*. 2016 (12), pp. 375–382. (In English) DOI: 10.1163/18177565-00121p24

***

Информация об авторе: Нежа Златковна Зайц — доктор исторических и филологических наук, научный сотрудник Института культурной истории Научно-исследовательского центра Словенской Академии наук и искусств, Нови трг, д. 2, 1001 г. Любляна, Словения.

E-mail: neza.zajc@zrc-sazu.si

Information about the author: Neža Zajc, DSc in History and Slavic Studies, Research Fellow at The Institute of Cultural History of Slovenian Academy of Sciences and Arts, Novi trg 2, 1001 Ljubljana, Slovenia.

E-mail: neza.zajc@zrc-sazu.si

***

Для цитирования: Зайц Н. У истоков монашеского мировоззрения преп. Максима Грека (к 550-летию со дня рождения святого) // Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 20 / Ин-т мировой литературы РАН; гл. ред. О.А. Туфанова. М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 250–272. <https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2021-20-250-272>

© 2021, Н. Зайц

For citation: Zajc, N. “On the Origins of the Monastic Worldview of St Maximus the Greek (On the 550th Anniversary of His Birth).” *Germenevtika drevnerusskoi literatury* [*Hermeneutics of Old Russian Literature*]. Issue 20. Ed.-in-chief O.A. Tufanova. Moscow, IWL RAS Publ., 2021, pp. 250–272. (In Russian) <https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2021-20-250-272>

© 2021, Neža Zajc